

Это лето пахло яблоками, сочными краснобокими яблоками, что росли в бабушкином саду. А еще дымом. Горели торфяники. Далеко в лесу, километрах в двадцати от их городка, но запах гари не давал Нике покоя, сводил с ума. Спасали яблоки. Бабушка раскладывала их по всему дому, а большую плетеную корзину, наполненную плодами до самого верха, ставила на прикроватную тумбочку в комнате Ники. Их тонкий аромат помогал, позволял заснуть.

Впрочем, причиной Никиной бессонницы был совсем не дым, но винить далекий пожар во всех своих горестях проще всего. Не то чтобы Нике хотелось кого-то винить, но так уж получалось... Так уж вышло, что в жизни ее остались только бабушка, аромат яблок и музыка. Гитара, самая обыкновенная, купленная в музыкальном магазине два года назад, тоже верным стражем стояла в изголовье Никиной кровати. И тонкий голос струн успокаивал, уговаривал если не смириться с прошлым, то хотя бы не бояться будущего.

Этим летом музыкой Ника занималась подолгу, куда дольше и прилежнее, чем раньше. Подружка Динка сказала бы, что это сублимация, но Динка осталась в прошлой жизни, а в нынешнюю проби- вался лишь ее неестественно бодрый голос. Проби-

вался все реже и реже. Почти так же редко, как вот это бархатное, с капризными интонациями сопрано.

— ...А я сказала, что она поедет! Ты, наверное, забыла, что Доминика моя дочь!

Мама... Целый год о ней не было ни слуху ни духу, с того самого дня, как она оставила Нику на пороге бабушкиного дома. А теперь вот приехала...

Ника отложила гитару, взяла из корзины яблоко. Ногти вспороли тонкую кожицу, и по пальцам потек яблочный сок. А дымом запахло просто невыносимо.

— Я не забыла. — Бабушка говорила тихо, наверное, все еще надеялась, что Ника не услышит. — А вот ты, похоже, забыла, что у тебя есть дочь.

Бабушка ничего не понимает. Мама не забыла. Мама просто не считает Нику своей дочерью. Обуздой, уродиной, неблагодарной негодяйкой — да кем угодно, только не дочерью! Так уж у них повелось. В какой-то мере этот год стал не только самым страшным, но и самым спокойным в Никиной жизни. Пока мама вдруг не вспомнила о ее существовании...

— Умоляю, перестань! Ты же знаешь о моих обстоятельствах! — В бархатном сопрано появились нотки раздражения. Так всегда и бывало: сначала раздражение, потом злость и упреки. Ника привыкла. И к маминым «обстоятельствам», которые менялись едва ли не ежегодно, тоже привыкла. А стоило только начать отвыкать, как все вернулось на круги своя. — Поверь, это в ее же интересах! Ты даже представить не можешь, что это за люди! Там такая семья, мама! Это приглашение — реальный шанс выбраться из дерьма.

— Для нее или для тебя? — Бабушка говорила шепотом, хоть и понимала, что Ника все прекрасно слышит.

— Для нас обеих! Доминика! Доминика!!! Я знаю, ты где-то здесь! Выходи, нам нужно поговорить!

Доминика... Мама всегда называла ее полным именем, вот этим вычурным, нездешним, пахнущим морской солью и ветром.

Хотя бы имя у тебя будет красивым! Вот так она говорила. Хотя бы имя, если уж с остальным так не повезло.

Нике и в самом деле не повезло родиться похожей на маму. Потому что мама была настоящей красавицей. Такие улыбаются вам с обложек глянцевого журнала, таких водят в дорогие рестораны, таким покупают виллы, меха и бриллианты. В мамином прошлом случился один гляцевый журнал и одно колечко с бриллиантом, а вот с остальными атрибутами красивой жизни как-то не сложилось. Наверное, из-за Ники. Конечно, из-за Ники! Потому что невозможно устроить личную жизнь, когда на руках у тебя такой ребенок. Слово «такой» мама произносила со значением и тут же добавляла про то единственное, чем Нике-Доминике можно было гордиться. Хотя бы имя... Потому что, когда ни рожи ни кожи, позитив нужно искать хоть в чем-нибудь.

Когда кожа бледная до такой степени, что сквозь нее просвечивают вены. Когда белый, словно седой волос вьется мелким бесом, и расчесать его нет никакой возможности, когда брови и ресницы уныло-белесые, когда тело по-мальчишески нескладное, а характер невыносимый, что остается бедной прекрасной маме? Маме остается терпеть и мучиться. Мучиться и терпеть! И это ведь вполне ожидаемо, что терпение ее лопнуло. Она и без того положила на Нику семнадцать лет своей жизни.

— Доминика! Иди сюда, детка!

Детка... А вот это что-то новенькое. Детка — это из какой-то другой, далекой от Ники жизни. Такой же далекой, как мама.

— Доминика! У меня для тебя есть прекрасная новость!

Прекрасные новости от мамы обычно пахли так же горько, как дым горящего торфяника. Прекрасные новости обычно касались нового маминого кавалера, который — теперь уж наверняка! — станет ее законным супругом. Прекрасных новостей Ника боялась так же сильно, как и собственных ночных кошмаров. И точно так же, как от кошмаров, не могла от них спрятаться.

Яблоко упало на пол, закатилось под кровать и там затаилось. Вот бы и Нике так же. Затаиться, спрятаться и от мамы с ее прекрасными новостями, и от самой жизни. Но не выйдет. Бабушка не удержит оборону, у бабушки слабое сердце и мягкий характер. Бабушка так же не похожа на свою дочь, как Ника не похожа на свою мать. Так уж вышло.

Солнце нагрело половицы, и босым ногам было тепло. По бабушкиному дому можно было ходить босиком и оставлять везде яблоки. Это был хороший дом. И даже о высокие пороги Ника не спотыкалась. И даже не расшибалась об углы. Дом принимал ее такой, какой она была, не предъявлял претензий и не выставял счетов.

— Ника... — Стоило ей только переступить порог, как руки успокаивающе коснулись теплой, чуть-чуть шершавая бабушкина ладонь. — Тебе не надо было...

— Надо было! Здравствуй, Доминика! — Нику окутало удушающе сладкое облако маминых духов.

Пожалуй, дым горящих торфяников — это не так уж и плохо. — Отлично выглядишь, детка!

Обычно мама ей никогда не врала, всегда называла вещи своими именами, даже тогда, когда Ника была еще нормальной. Относительно нормальной.

— Ты тоже. Наверное. — Воздуха в плотном кофоне маминых духов почти не было, и Ника отступила на шаг, чтобы не умереть от удушья.

— Я смотрю, твое чувство юмора осталось при тебе. — Теперь мамин голос доносился откуда-то слева, скорее всего, от окна. — Это хорошо. Может быть, у тебя даже получится ей понравиться.

— Кому? — Не нужно было спрашивать. Тогда, год назад, Ника твердо решила, что никогда больше не попросит маму ни о чем. Не попросит и не станет задавать ненужных вопросов.

— Твоей бабке.

— Моя бабушка меня любит безо всяких «если». — Хотелось добавить «в отличие от тебя, мама», но Ника не стала. Те времена, когда мамы слова ранили и причиняли боль, прошли. Ей очень хотелось думать, что навсегда. И бабушка тут же успокаивающе сжала ее руку, а в ноги ткнулся лбом кот Мурзик, затарахтел как трактор.

— Я о другой твоей бабке! — В мамином голосе звенело удивление пополам с триумфом. Странное такое сочетание. Такое же странное, как и само это заявление. В Никиной жизни никогда не было никакой другой бабушки. Да что там! В Никиной жизни никогда не было отца! Нет, теоретически, где-то влачил жалкое существование мерзавец, который не оправдал маминых ожиданий да еще и заделал ей такую некрасивую, такую несовершенную дочь, но

даже имя его было предано забвению. А теперь вот бабка...

— Как вы живете в одном доме с этой блохастой мерзостью? — Зацокали по полу острые каблочки — десять сантиметров, и ни миллиметром меньше! — мамин голос сделался глуше. — Еще не хватало подцепить от него какую-нибудь заразу.

— Так ты не задерживайся. — Ника улыбалась. Ей очень хотелось думать, что достаточно вежливо. — И шерсть у него такая... — Она присела, провела ладонью по пушистой, выгнутой дугой спине. — Прилипчивая. Потом придется очень долго ее отчищать.

— Узнаю свою дорогую деточку. — Мама едва сдерживала раздражение. Но сдерживала, и это было особенно странно. — Удивительно приветливый и солнечный ребенок! Кстати, не стоит убирать волосы в пучок. Это не добавляет тебе ни красоты, ни изящества. Нужно как-нибудь заняться твоим внешним видом.

— Наталья. — Бабушка хотела сказать строго, но получилось все равно жалко. Поздно учить такту такую, как мама. С мамой вообще все поздно. Безнадёжно поздно... — Ника очень красивая девушка.

— Ах, перестань! — Царапнули пол ножки старого венского стула, на который грациозно — непременно грациозно! — присела мама. — Доминика не должна питать иллюзий насчет своей внешности. Чтобы потом не было мучительно больно. Обыкновенная и заурядная. А вот ее родня по отцовской линии... — И снова недоверчивое удивление, словно бы мама сама не до конца верит тому, о чем говорит. — Кто бы мог подумать... Знать бы заранее... —

Она разговаривала сама с собой и, похоже, себя за что-то корила. — И ведь ни словом не обмолвился, из какой он семьи. Теперь я понимаю, в кого ты такая скрытная.

— В кого? — Ника взяла Мурзика на руки, прижала к животу пушистое, тархтящее тело, пытаюсь успокоиться.

— В своего папеньку. Он же мне ничего о себе не рассказывал. Я же думала, обыкновенный влюбленный аспирантик-нищеврод. Переспала с ним, считай, из жалости. Так он на меня смотрел такими щенячьими глазами...

Мама и альтруизм! И снова что-то новенькое. Секс из жалости, а не из корыстных побуждений — это так на нее не похоже! До недавних пор Ника думала, что мама совершила лишь один необдуманый поступок — сохранила жизнь нежеланному ребенку, а тут новое откровение.

— А ведь он хотел на мне жениться! Представляете? — Мама вспорхнула со стула и теперь мерила шагами комнату. Десять шагов туда, десять обратно. — Идиот! Не мог сказать прямо, кто он и чей сыночек! Решил поиграть в принца и нищую. Вот и доигрался!

Мама говорила, говорила, и из ее монолога Ника сделала только один вывод: у нее все-таки есть отец, и он из какой-то необыкновенной семьи. Интересное кино! Жаль только, Ника не сможет его посмотреть.

— А ведь все могло бы сложиться совсем иначе! Я бы сейчас жила, как у бога за пазухой! У меня было бы все, что душа пожелает! — Мама замерла напротив Ники. Захотелось сделать шаг назад, но Ника не двинулась с места.

— Он жив? — спросила, сжимая и разжимая онемевшие вдруг пальцы.

— Кто?.. — Мама думала о своем. Мама даже не сразу поняла вопрос. — Этот? Твой отец? Нет, погиб семнадцать лет назад. А я еще думала, почему это он, весь такой из себя благородный и возвышенный, не пытается узнать, как мне живется. Про тебя-то он не знал, я не сказала. Я вообще не планировала сохранять эту беременность, но уговорили. Вот ты, мамочка, уговорила! — В бархатном сопрано снова почудилось раздражение, а еще, кажется, удовлетворение. — Что-то у меня там было не так с организмом. Одна беременность — один ребенок, и второго шанса родить не будет. Так сказали врачи. И я поверила. Глупая была, молодая. Сколько ты кровушки моей попила, Доминика! Токсикоз от первого дня беременности до последнего! Лишних пять килограммов, убитые зубы и волосы клочьями! — Мама перечисляла ущерб, который причинила ей Ника, с привычной четкостью и в привычной последовательности. — А бессонные ночи? Ты же выла без умолку! И не ела ничего. И смотрела так... с упреком!

Младенец, который смотрит на свою маму с упреком — вот это, пожалуй, перебор, но перебивать нельзя, будет еще хуже, еще дольше.

— А потом детский сад! Это же кошмар какой-то!

Кошмар. Вот только не для мамы, а для Ники, потому что детский сад был круглосуточный и домой ее забирали лишь на выходные.

— То тебя били, то ты била! С тобой всегда возникали какие-то проблемы. А школа?

А в школе все шло более или менее нормально. Терпимо оказалось в школе. И училась Ника хоро-

шо. Можно даже сказать, отлично. У нее была подруга Динка и музыкальная школа по классу классической гитары. У нее была почти нормальная жизнь. До тех пор, пока...

— А потом это трагическое происшествие! — Мама вздохнула почти искренне. Вот только Ника знала, жалеет она не ее, а себя. — Ты представляешь, что мне пришлось пережить? Эти разговоры с полицией, эти бесконечные обследования, эти больницы... Даже такой сильной женщине, как я, не дано вынести столько горя.

Невыносимым горем мама называла то, из-за чего Ника оказалась у бабушки. Горе это, оказывается, коснулось только мамы. Кто бы сомневался!

...На Нику напали, когда она возвращалась из музыкальной школы. Была зима и темная, припорошенная первым ноябрьским снегом дорожка у гаражей. Сама виновата. Могла пойти кружным путем, по людной и относительно светлой улице, а поперлась через гаражи, сэкономила целых пятнадцать минут и поставила крест на всей своей будущей жизни. Ее ударили чем-то тяжелым по голове. Последнее, что Ника запомнила, перед тем как провалиться в пустоту, острая боль в затылке и невыносимо яркая вспышка света перед глазами. Тот свет стал последним в Никиной жизни.

Ее нашли поздним вечером два засидевшихся в гаражах мужика. Сначала подумали, что она мертва, потому что весь снег вокруг нее был красный от крови, а потом все-таки решились проверить пульс. Они же вызвали «Скорую» и полицию. А еще позвонили маме. Первой приехала «Скорая», потом полиция. Мама была слишком занята. Да и зачем мама,

когда Ника находилась в коме, и никто, даже врачи, не верили, что она выживет? Они не верили, а она жила. Темной коматозной жизнью. Про жизнь эту Нику потом часто расспрашивала подружка Динка. Динке было интересно, что там, за чертой. Вот только Ника не помнила что. Что-то, определенно, было. И это что-то теперь просачивалось в ее кошмары, но мозг защищался, берег Никину хрупкую психику, как умел, подсовывал пестрые картинки несуществующих воспоминаний, а правды не показывал.

Она провела в коме два месяца, а потом глухой безлунной ночью очнулась. Вот только это была не ночь, а яркий солнечный день, просто Ника ничего не видела, а мозг уже принялся ее защищать. Что случилось дальше, Ника помнила смутно. В память врезалось только одно: горькое, как полынь, отчаяние. Ей не быть такой, как прежде. Зрение не вернется. Теперь она не просто уродина, но еще и слепой инвалид, потому что, если тебе проломили череп, а потом бросили умирать за гаражами, не стоит надеяться на легкий исход. И не важно, что с глазами ее полный порядок. С глазами порядок, а вот с мозгом — беда. Кажется, невролог, который ее осматривал, что-то говорил про корковую слепоту, но Ника его не слышала, Ника хотела умереть.

Первую попытку она предприняла там же, в больнице. Темной глухой ночью — теперь вся ее жизнь превратилась в темную ночь — она выдернула из вены иглу от капельницы. Скальпелем, наверное, было бы удобнее, но теперь она могла лишь действовать на ощупь. Иглу в вене она чувствовала, а скальпель пришлось бы искать...

С иглой ничего не вышло, как Ника ни старалась. Просто к отчаянию добавилась еще и боль в испо-

лосованной руке. А потом кто-то истошно завопил прямо у Ники над ухом, и жизнь ее переместилась из одного кошмара в другой. Другой дурно пах лекарствами, хлоркой, мочой и еще тысячей неподдающихся идентификации запахов. В другом мире Нику лечили уже не от черепно-мозговой травмы и слепоты, а от суицидальных мыслей, отбивали охоту попытаться еще раз. В другой мир мама не приезжала. Для нее, измученной Никиной болезнью, это было слишком. В другой мир приехала бабушка. С бабушкой стало легче. Она не ругала и не уговаривала, она даже не плакала, она просто разговаривала с Никой. Рассказывала о всяких пустяках, навреде проделок кота Мурзика, пересказывала мировые новости, а когда новости заканчивались, просто читала вслух книги. Кому-то из них, а может, и обеим сразу удалось убедить врачей, что с Никой теперь все будет хорошо. В психическом плане. Про физический они не разговаривали, Ника не хотела. И думать о том, как ей придется жить дальше в крошечной темноте, она тоже не хотела.

После выписки из психиатрической клиники наступил долгий период реабилитации. Реабилитация началась, а школа закончилась. Потому что какая же школа, когда ты вот такая... никакая? Ника пыталась учиться самостоятельно. Как умела, так и пыталась. Вот только шрифт Брайля осваивать отказалась наотрез. Ей казалось, что стоит только выучить все эти выпуклости и впадинки, и все — путь обратно в нормальную жизнь будет для нее закрыт окончательно.

Так уж вышло, что Ника отказалась от Брайля, а мама от Ники. Слишком тяжело, слишком невыносимо. И вообще, это все так неприятно!